

**ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ИНДИИ 1860 ГОДА:
ПЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ****Н.А. Крашенинникова¹, Е.Н. Трикоз^{2, 3}**¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация*² *Московский государственный институт международных отношений (университет)**Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*³ *Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

17 августа 2017 г.

Дата принятия в печать

25 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения

18 июня 2018 г.

Ключевые слова

Уголовный кодекс; наказание; уголовная политика; пенология; кодификация; индийское право; английское право; прецедент; южная криминология; колониальная история; сравнительное уголовное право

Аннотация. Исторический опыт Индии в поиске собственной концепции наказания является уникальным. Значительное влияние на него оказало колониальное прошлое и англосаксонская правовая культура, а также философско-религиозные, этнико-лингвистические, кастово-племенные и иные общекультурные факторы. В Уголовном кодексе (Indian Penal Code) 1860 г. сложилась оригинальная пенологическая конструкция и система наказаний. Этому способствовали описанные в данной статье историко-теоретические предпосылки, уголовная политика в британской Индии и ее постколониальное развитие. В стране для пенологического дискурса, который складывался под влиянием уголовно-правовой доктрины метрополии, характерны два момента. Во-первых, разнообразие видов наказаний и судебское усмотрение при их выборе в целях индивидуализации ответственности. Во-вторых, гуманистическая направленность института наказания, сужение круга преступлений, караемых смертной казнью. Создатель индийского УК 1860 г. английский юрист Т.Б. Маколей главной целью наказания считал общую превенцию (*general prevention*, или *deterrence*), а дополнительной — частную превенцию посредством физической изоляции преступника и его исправления. Для колониальной уголовной политики было важным получить явные результаты от пенологической теории и практики наказаний, чтобы победить местную ритуальную преступность (культовый «тугизм») и традиционные жертвоприношения (обряд сати). После масштабного восстания сипаев и распространения преступности дакоитов репрессивные функции наказания стали превалировать над другими пенологическими теориями. Распространился так называемый белый террор против политических оппонентов, боровшихся за религиозную свободу и независимость колониальной Индии. На примере современной Индии виден противоречивый опыт поиска эффективных криминопенологических теорий, который существенно дополняет классическую (вестернизированную) криминологию. Исторически сложившиеся в странах «глобального юга», в том числе в Индии, особые концепции и практики наказания сегодня пристально изучаются в рамках такого нового направления, как «южная криминология» (*Southern Criminology*). Индийское правительство продвигает комплексный, криминопенологический подход в противодействии внутренней преступности и транснациональным угрозам.

**INSTITUTE OF PUNISHMENT IN THE INDIAN PENAL CODE OF 1860:
THE PENOLOGICAL THEORIES****Nina A. Krasheninnikova¹, Elena N. Trikoz^{2, 3}**¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, the Russian Federation*² *Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*³ *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, the Russian Federation***Article info**

Received

2017 August 17

Accepted

2018 May 25

Available online

2018 June 18

Abstract. The historical experience of India in search of its own concept of punishment is unique. It was greatly influenced by the country's colonial past and the Anglo-Saxon legal culture as well as the philosophical, religious, ethno-linguistic, caste, tribal and other factors. The Indian Penal Code of 1860 uses an original penological construct and a system of punishments. It was influenced by the historical and theoretical factors described in this article, by criminal policy in British India and by its post-colonial development. The country's penological discourse, influenced by the criminal law doctrine of the metropolitan state, has two distinct features. Firstly, it is the diversity of types of punishment

Keywords

Penal Code; punishment; criminal policy; penology; codification; Indian law; English law; precedent; southern criminology; colonial history; comparative criminal law

and judge's discretion in choosing them to individualize liability. Secondly, the humanitarian orientation of the institute of punishment and the reduction in the number of crimes punishable by death penalty. English lawyer Th.B. Macaulay, the creator of the Indian Penal Code of 1860, considered general prevention, or deterrence, to be the main goal of punishment, while specific prevention through the physical isolation of the criminal and his correction was viewed as a complimentary goal. It was important for the colonial criminal policy to obtain tangible results from the penological theory and the practices of punishment in order to suppress the local ritual crimes (cult «thuggism») and traditional ritual sacrifices (sati ritual). After a large-scale sepoy rebellion and the spread of dacoity crimes, the repressive functions of punishment began to prevail over other penological theories. The so-called «white terror» was commonly used against political opponents fighting for religious freedoms and independence of colonial India. Modern India is a good example of the controversial experience of the search for the effective criminal-penological theories that is a considerable addition to the classic (westernized) criminology. The special historical concepts and practices of punishment in the countries of the «global south», including India, are now studied by the new field of «Southern Criminology». The Indian government is promoting a complex criminal-penological approach to counteracting domestic crimes and transnational threats.

Современная Индия входит в состав весьма влиятельной международной организации БРИКС, британского Содружества наций и других международных объединений, так как страна отличается высоким экономическим потенциалом, большим геополитическим влиянием, быстро растущим средним классом. Но в то же время здесь миллионы жителей находятся за чертой бедности и государство борется с острой криминогенной обстановкой (проблемы терроризма, экстремизма, коррупции, деградации окружающей среды и киберпространства, нарушения прав человека и роста виктимизации). Индийское правительство регулярно подписывает важные антикриминальные соглашения (межведомственные договоры, универсальные конвенции) и придерживается комплексного, криминопенологического подхода к проблемам глобальной преступности и транснациональных угроз [1]. В этом плане интересно проследить исторический опыт становления в уголовном праве Индии особой пенологической концепции и системы наказаний.

В отечественной литературе уголовным правом Индии впервые начали заниматься еще в советский период, когда вышли научные работы двух известных профессоров А.А. Пионтковского [2] и Б.С. Никифорова [3], появился перевод на русский язык Уголовного кодекса Индии 1860 г. в редакции по состоянию на середину прошлого века [4]. В постсоветский период можно встретить лишь обзорный формально-юридический анализ УК Индии в трудах по сравнительному правоведению. До сих пор отсутствуют комплексные исследования по истории и догматике уголовного права Индии и,

в частности, по особенностям пенологической концепции в индийском УК¹.

В современной зарубежной криминологии выделяется новое направление под названием «южная криминология» (Southern Criminology), которое рассматривает особые концепции и практики наказания, исторически сложившиеся в странах «глобального юга», в том числе в Индии. Они расцениваются как дополняющие классическую (вестернизированную) криминологию и уголовную политику стран севера [5, с. 2–3]. Составной частью «южной криминологии» является пенологическая область — практика назначения наказаний и теория их эффективности. На примере Индии и других постколониальных государств изучается особый трудоемкий опыт криминологического поиска и пенитенциарных практик. Индийский и подобный опыт ярко демонстрирует нередко более эффективные концепции, методы и практики государственного реагирования на вызовы транснациональной и внутренней преступности. Они не являются столь радикальными в определении целей наказания и сущности преступного поведения в противоположность постколониальным теориям классической криминологии с ее идеями гносеологического неповиновения и бунта жителей завоеванных колоний [6, с. 215].

¹ «Пенологический» означает относящийся к уголовным наказаниям (от лат. *poena* — наказание, кара, восходящее к гр. *poinė* — того же корня, что и «цена»). В русском языке термин «пеня» был заимствован из польского языка, где *pena* — это наказание в форме компенсации (неустойки). Слово же «уголовный» происходит сугубо из древнерусского языка (лишившийся головы, убитый).

Теоретические основы «южной криминологии» сформулированы в большей степени как философский проект «искупления вины» (греха) и морального исправления преступника (англ. Redemptive project) [5, с. 2]. Кроме того, ее интеллектуальная подпитка уходит корнями в практические знания о природе человека и социальной жизни. В современный период для выработки уголовной и пенитенциарной стратегии в Индии и других странах «глобальной периферии» активно привлекаются результаты миграционных научных исследований, истории трудовой занятости, сравнительные колониальные исследования и постколониальная история [7, с. 5].

По мнению западных ученых, в «южной криминологии» выделяются три сферы, заслуживающие научного осмысления и практического развития, это: 1) ключевые разновидности и формы преступности, характерные сугубо для стран «глобальной периферии»; 2) особая гендерная преступность, сложившаяся в результате социально-политических и культурно-религиозных факторов в странах «глобального юга»; 3) виды наказаний и пенитенциарные институты, исторически обусловленные колониальным прошлым и строительством империи на перекрестке правовых культур [5, с. 10–12].

Как отдельная сфера развития «южной криминологии» важное значение приобретает именно последний, третий пункт. Речь идет о тех пенитенциарных теориях (концепциях природы и целей наказаний) и пенитенциарных практиках, которые успешно применяют в азиатских и других странах «южного пула». В Индии, как ни в какой другой стране, практика государственного наказания и уголовного правосудия развивалась под значительным влиянием философско-религиозных, этнико-лингвистических, кастово-племенных и иных общекультурных факторов [8, с. 13–14]. Такой особый социально-исторический контекст обусловил оригинальное содержание криминологических идей и пенитенциарных практик в этой стране.

В данной статье мы рассматриваем предпосылки и идейные истоки, легитимизирующие цели и содержание практики наказаний, начиная с периода британского господства в колониальной Индии. Благодаря англичанам индийские колонии получили первый в Британской империи Уголовный кодекс (Indian Penal Code, Central Act XLV of 1860), в котором учитывался их правовой плюрализм, отразилась оригинальная пенитенциарная концепция и система наказа-

ний. Кодекс готовился в Индии почти 30 лет (с 1835 по 1862 г.), долго ожидал введения на всей территории и в современный период продолжает успешно действовать². УК Индии выдержал проверку временем, испытав за прошедшие 155 лет ряд обновлений и дополнений судебной практикой. Но при этом он без особых изменений сохранил изначальную концепцию наказания и принципы его назначения.

Сильное влияние на разработчиков УК Индии 1860 г. оказывала общая криминогенная обстановка в завоеванных Ост-Индской компанией княжествах, которая периодически осложнялась даже после установления прямого правления Британской империи. Здесь спонтанно складывались текущие стратегии противодействия местной преступности и вооруженным восстаниям, непоследовательная пенитенциарная практика, латентные цели и широкомасштабные внесудебные расправы. В колониальный период особенно заметно несоответствие между заявленной пенитенциарной стратегией британской администрации и ее конкретным применением на практике.

Исходя из общего анализа колониальной (законодательной и судебной) практики в Индии можно выделить две основные модели уголовной политики, последовательно сменявшие друг друга и связанные со специфическим пониманием сущности и целей наказания. Под термином «модель уголовной политики» понимаются образующие некое единство институты уголовного права, процессуальные формы деятельности уголовной юстиции и кримино-пенитенциарные представления (идеи, концепции) [9, с. 13]. В начальный колониальный период была распространена откровенно карательная модель политики, которая исходила из эсхатологического взгляда на преступника [10, с. 205]. Представлялось, что он своим деструктивным поведением посягал на основы государственности и, следовательно, заслуживал неминуемой смертной казни или тяжкого каторжного труда. Затем наметился постепенный отход от откровенно карательной модели уголовной политики в полуфеодальных княжествах и президентствах Индии, что было обусловлено как социально-экономическими и политическими причинами, так и идеологическими факторами (распространение новых пенитенциарных теорий).

² The Acts of the Legislative Council of India of 1861, with an Analytical Abstract Prefixed to Each Act. Calcutta, 1862. Vol. 5. P. 129–266.

Различные концепции научной мысли о природе и целях наказаний оказывали теоретическое воздействие на институт наказания в уголовном праве Индии. К середине XIX в. здесь сложились необходимые идейные предпосылки и объективные криминогенные факторы, для того чтобы колониальная администрация смогла достичь почти невозможного: ввести в индийских колониях (президентствах) единый образный Уголовный кодекс. Он обладал специфической системой наказаний и собственной пенологической концепцией. Но в то же время особенностью этого УК было отсутствие нормативной дефиниции наказания и четкого определения его целей. Однако в последующей судебной практике и теоретической юриспруденции Индии колониального и современного периода часто встречаются различные определения как самого наказания, так и более обобщенного понятия — мер уголовно-правового воздействия. Последние подразумевают всю систему собственно уголовно-правовых санкций и дополнительно подсистему иных мер уголовно-правовой реакции, оставляя за скобками такие институты, как освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. Концепция «мер уголовно-правового воздействия» в современной Индии широко обсуждается в научных трудах индийских криминологов и пенитенциаристов.

Благодаря этому в стране активно развивается так называемый пенологический дискурс, который изначально испытывал сильное влияние правовой доктрины британской метрополии. В начале XIX в. в Великобритании уже обособилась такая наука, как пенология, которая со временем стала практически ориентированной составной частью общей криминологии. Возникнув на базе утилитаристских учений английских философов-правоведов (Дж. Бентам, Дж.С. Милль и др.), британская пенология развивалась в направлении исследования и оценки пенитенциарных институтов в стране и ее колониях (тюремная система, режим пробации, практика имущественных наказаний и др.) с целью повышения эффективности уголовно-правовых процедур и соответствия их гуманитарным стандартам.

Сегодня индийская наука пенология определяет систему наказаний как исчерпывающий перечень закрепленных в УК Индии 1862 г. видов уголовно-правовых санкций, обязательных для правоприменителя с учетом их иерархической последовательности и степени тяжести. Та-

кой подход был впервые реализован и нормативно закреплен в Общей части УК Индии еще в колониальный период, и автором его первой редакции считается английский правовед и советник генерал-губернатора Томас Бебингтон Маколей [11].

Он включил в Общую часть УК 1862 г. лишь статьи с описанием конкретных видов и принципов назначения наказания. Только в обширной пояснительной записке мы находим теоретические дефиниции и философские описания сущности и природы наказания, которых нет в самом тексте Кодекса. Закрепленные здесь общие пенитенциарные нормы воспроизводились в качестве конкретных санкций в статьях Особой части УК. В этой индийской кодификации очевиден характерный пенологический уклон, который был обусловлен реально сложившейся на тот период репрессивной политикой английских властей. Это и нашло отражение в англоязычном наименовании Уголовного кодекса — Indian Penal Code вместо традиционного для других стран общего права названия Criminal Code.

Подходы Т.Б. Маколей к проблеме наказания и принципов его назначения, а также сама специфика главы III «О наказании» УК 1862 г. проявились в том, что удалось учесть две важные особенности прогрессивной пенологической мысли того периода. Во-первых, это разнообразие видов (лестница) наказаний и широта судебской дискреции при их выборе в целях индивидуализации и дифференциации ответственности. Хотя при этом необходимо отметить, что еще на рубеже XVIII–XIX вв. пенологическая наука в метрополии глубоко не прорабатывала вопросов индивидуализации наказания, его эффективности и превентивного воздействия. В Великобритании была распространена так называемая телеологическая доктрина наказания, или учение о его целях (гр. *teleos* — конец, цель). Важное влияние на это направление оказывали идеи классической школы уголовного права, в частности работы итальянца Ч. Беккариа, трактат «О преступлениях и наказаниях» которого был переведен на английский язык в 1768 г. [12, с. 14]. В рамках этой школы сложилось этическое восприятие личности преступника как носителя «злой воли», и отсюда наказание рассматривалось как метод метафизической борьбы со злом в человеке. Это и стало основой будущей ретрибутивной теории — учения о воздающей справедливости или «абсолютной теории целей

наказания», которая основана на принципе возмездия (кары).

В то же время последователи Ч. Беккариа английские «классицисты» выступали за общую гуманизацию уголовной политики в британских колониях, соразмерность наказания, сокращение смертной казни и были против привлечения к наказанию лишь за одно преступное намерение («мысли не наказуемы»). Но в тот период превалировала теория карающего и наказывающего правосудия, поэтому основной целью наказания объявлялось воздаяние такой болью, которая «соответствует вине преступника и соответственно воле Бога». Такой религиозно-моралистический подход к проблеме наказания был закреплен в британском Законе (Transportation Act) 1779 г., где было предписано совмещать тюремное заключение с обязательным религиозно-нравственным перевоспитанием преступника.

Во-вторых, это гуманистическая направленность института наказания в УК Индии, что проявилось в исключении из перечня санкций телесных и членовредительских наказаний, сужении круга преступлений, караемых смертной казнью («в редких из редчайших случаях»), избегании наказаний, унижающих честь и достоинство или ограничивающих свободу на неопределенный срок. Это обусловлено тем фактом, что в ходе кодификации колониального права Индии возобладали утилитаристская идеология и соответствующая ей превентивно-репрессивная модель наказания.

Однако закрепленный в нормах УК Индии 1862 г. идеал пенитенциарной политики существенно отличался от живой практики и чиновничьего произвола, к которому привыкла британская администрация за долгие годы внесудебных расправ и авторитарной уголовной политики в отсутствие единообразного уголовно-правового регулирования и при частых случаях «ритуальной преступности», сопровождаемой человеческими жертвоприношениями.

На рубеже XVIII–XIX вв. на практику назначения наказаний и борьбу с преступностью в индийских полуфеодалных княжествах влияли многие факторы: огромные субконтинентальные размеры, внутренние индо-мусульманские противоречия, культурно-религиозная и расово-этническая пестрота данного региона, многочисленность, необразованность и нищета местного населения. Британские чиновники и правоведы, задумывавшие уголовно-правовую реформу в колониальной Индии, сталкивались

с полисистемностью этой древнейшей правовой культуры. В коллизионных противоречиях между персонально-религиозными системами индусов и мусульман, которые применялись долгое время наряду с английским колониальным правом, не могло идти и речи об эффективности и единообразии уголовно-пенитенциарной политики. Изначально она формировалась в рамках системы «косвенного управления», что означало сохранение «княжеской автономии» и традиционного кастизма. Это сопровождалось вспышками внесудебной расправы, насильственного покорения, расизма, принудительной рецепции законов и институтов колонизаторов. Криминогенная обстановка в индийских владениях с их пестрым многочисленным населением (120 этнографических групп, говорящих на 147 языках) обострялась за счет традиционной для региона вражды между расами, кастами, сектами, купеческими гильдиями, торговыми компаниями, полуфеодалными племенными княжествами.

Все эти факторы существенно осложняли контроль над местной преступностью и огрубляли пенитенциарную практику местных губернаторов и судей, которые в условиях системы «косвенного управления» в индийских колониях были вынуждены сочетать традиционные (индусские и мусульманские) институты и английские нормы о наказаниях. Туземное население и местные чиновники не были готовы воспринимать пенитенциарную философию и прогрессивные нормативные теории наказания, а действовали порой спонтанно и внесудебными методами, прибегая к архаичной жестокой системе наказаний.

В индийских княжествах сохранялись религиозно-традиционалистские взгляды на природу и цели уголовного воздействия. Строгая и жестокая система наказаний предопределялась тем, что здесь после завоевания Делийского султаната мусульманским государством моголов возобладала исламские источники уголовного права. Была воспринята мусульманская система наказаний, которая стала применяться безраздельно к индусам, христианам, буддистам, евреям и другим жителям подконтрольных княжеств [13, с. 5]. Такое специфическое наказание, как *худуд* (или *хадд*), назначали за узкий круг преступлений против общественного порядка и нравственности (мятеж, разбой, клевета, лжесвидетельство, прелюбодеяние, азартные игры, пьянство и др.). Этот тип наказания предпо-

лагал нанесение палочных ударов, побивание камнями, отсечение руки и т.д. При этом число ударов и их силу определял шариатский судья по собственному усмотрению [14, с. 261]. За преступления категории *джинайят* (убийство и тяжкие телесные повреждения) могли назначить либо *кizas* (возмездие по принципу талиона), либо *дийя* (выплата денежной компенсации жертве или ее родственникам) [15, с. 168–170]. Наконец, наказание категории *тазир* предписывалось за все иные преступления и проступки, для которых не было установлено наказаний худуд (например, изгнание или бритые головы пьяниц, поджоги винных лавок, смертная казнь торговцев алкоголем и колдунов). Согласно доктрине, для тазира не существовало ограничений (или «верхнего предела»), так как он зависел от суждения местного правителя, назначался по его усмотрению с учетом общей пользы и серьезности преступления.

После завоевания индийских колоний англичане оставили в силе эти положения мусульманского уголовного права с его системой наказаний. Они применялись к подавляющей части индусов вплоть до 1832 г., когда наконец английский парламент отменил применение норм шариата к немусульманам в Индии [16, с. 27–28]. Но в то же время британская администрация предпочитала не вмешиваться в дела мусульманских каст и кланов, потому что из них набиралось большое число солдат в колониальную армию. С тех пор шариат считается ключевым символом идентичности мусульманской общины и в современной Индии. В настоящее время государственные правонарушения и частноправовые сделки рассматриваются с точки зрения норм светского законодательства.

По ряду уголовно-правовых вопросов англичане позволили коренным индусам сохранить приоритет за своими панчаятными судами. В пределах их общинно-племенной юрисдикции за ними оставили право использовать древние религиозные обычаи, дхармашастры и другие санскритские источники [17]. Согласно авторитетным среди индусов «Дхармашастрам Ману», наказание рассматривалось как сила, которая правит людьми и охраняет их. Применять его стоило только с учетом всех обстоятельств преступления и степени его осознанности преступником. Несправедливое наказание, согласно дхармашастрам, «лишает неба в другом мире» [18, с. 60–65]. По индо-буддийским воззрениям, к преступившему закон применялись не только

моральные рассуждения о нарушенной дхарме, злой карме и прерванной сансаре, но и вполне практические государственные санкции — *данда-нити* (буквально «палочное наказание»). Ведь еще с древности идея наказания считалась одним из теоретических обоснований существования государства и генезиса права как такового. Институту наказания в индуизме придавали настолько большое значение, что даже саму науку управления государством нередко называли «учением о наказании» [19, с. 29].

По индусским дхармашастрам, в систему наказаний входили следующие виды (открытый перечень): смертная казнь (посаждение на кол, сожжение на костре, утопление, затравливание собаками и др.); членовредительные наказания (отрезание пальцев, рук, ног); штраф; изгнание из общины; тюремное заключение; труд на рудниках и др. Так, согласно «Артхашастре», смертная казнь в форме повешения предусматривалась за убийство, кражу со взломом, похищение царских слонов, распространение лживых слухов и др. Путем сжигания заживо карались такие деяния, как попытка проникнуть в царский гарем, убийство близкого родственника или аскета, поджог. Стрелами из луков пронзали тело преступника, похитившего военное имущество. При этом индусское право исключало смертную казнь и телесные наказания по отношению к высшей варне брахманов, которых вместо этого изгоняли из страны. Причинение телесных повреждений членами низшей варны влекло наказание по принципу талиона, но в обратной ситуации обидчик из брахманов или кшатриев выплачивал всего лишь денежный штраф или проходил процедуру очищения [20, с. 101–102]. За некоторые преступления, по санскритским источникам, следовали членовредительские наказания (например, ночному вору следовало отрубить обе руки и посадить на кол, а укравшему впервые отрезали два пальца, при рецидиве вор лишался руки и ноги). Денежный штраф назначали «за всякие заклинания, направленные против чьей-либо кармы, за разговоры над ядовитыми корнями и за колдовство всякого рода с целью убить, не достигшие, однако, цели» («Дхармашастра Ману», IX, 290). Если же колдовство достигало своей преступной цели, кара назначалась как за убийство («Дхармашастра Яджнавалкья»).

В период британского колониального господства Индия подпадала также под действие актов английского парламента (статутное право),

«общего права» и «права справедливости». Объявлялись действующими все британские акты, регулировавшие деятельность тюрем и иных пенитенциарных учреждений (в частности, Prisons Act 1823 г., Gaol Act 1823 г., Prison Discipline Act 1824 г., Poor Law Act 1824 и 1834 гг. и др.). Они дополнялись актами чиновников Ост-Индской компании (East India Company) и местных губернаторов. В итоге сложился уникальный образец частно-государственного партнерства по борьбе с преступностью, когда служащие Ост-Индской компании и английские наместники объединяли усилия в целях эффективной пенитенциарной практики и снижения криминогенной обстановки в колонии [21, с. 440]. Этот эксперимент сопровождался применением как внеправовых (внесудебных) методов, так и локального правосудия индийских раджей, судов компании и чиновников короны.

Однако и без того пестрая правовая картина усложнялась такой криминологической проблемой, как разрастание коррупции колониальных служащих и чиновников. Укоренилась практика финансовых манипуляций, использования схем уклонения от налогов и нелегальных торговых сделок. Причем эта ситуация была инспирирована теневой правоприменительной деятельностью самих сотрудников Ост-Индской компании. Под влиянием массового голода индусов и административного кризиса в 1773 г. был принят британский Акт об управлении (Regulating Act). В нем были предусмотрены меры противодействия финансово-служебной преступности: уголовные санкции (например, тюремное заключение за взяточничество) и запрет чиновникам (от генерал-губернатора и верховных судей до простых коллекторов районов) принимать подарки, подношения и денежные вознаграждения от индийских раджей, заминдаров и др. Этим же законом в Калькутте был учрежден особый суд для британских подданных (Supreme Court of Judicature) с уголовной юрисдикцией, в том числе по обвинению в злоупотреблении властью и ее превышении. Однако этот же Верховный суд в скорости сам превысил полномочия, приняв к рассмотрению ряд судебных дел неподсудных ему индусов (Nand Kumar case, the Patna Case, the Commaluddin case, the Cossijura case и др.) и даже подтвердив смертные приговоры против туземного населения [22]. Несмотря на всю строгость наказаний по данному Акту 1773 г., это не остановило местного генерал-губернатора У. Гастингса в его противозаконной деятельно-

сти. В итоге против него выдвинули уголовные обвинения в коррупции и превышении власти [23, с. 738]. Суд по делу Гастингса проходил в британском парламенте с 1788 по 1795 г., однако он завершился его полным оправданием, что было подготовлено влиятельными директорами Ост-Индской компании [24].

В тот период вплоть до начала кодификационных работ в 1830-е гг. в Индии распространилась *рационалистическая доктрина* наказания, положившая начало либеральному течению в пенитенциарной области [25, с. 513]. Она была обоснована в трудах английских правоведов-утилитаристов (У. Палей, Дж. Бентам, У. Иден и др.), которые искали более эффективные основания и пути организации карательной политики на основе гуманистических подходов к сути наказания и реформированию пенитенциарной системы. Поэтому в вопросе о целях уголовных репрессий они перешли «от абстрактных философских размышлений к рациональной и целесообразной организации самих наказаний» [12, с. 18–19]. В частности, в труде английского реформатора Уильяма Палея «Принципы нравственной и политической философии» 1785 г. с позиций его утилитаристского учения о нравственности целью «гуманного наказания» объявлялась не столько кара за преступление и удовлетворение правосудия, сколько именно задача предупреждения преступности, или превенции преступлений [26, с. 112]. Еще один английский правовед У. Иден в трактате «Принципы карательного права» 1771 г. при применении уголовных наказаний предлагал исходить из соображений «естественной справедливости» и «общественной пользы», соотнося суровость санкций с тяжестью преступлений.

Особо стоит отметить вклад в разработку пенитенциарной теории и подготовку кодификации права в Индии английского философа-утилитариста Джереми Бентама. Он создал собственную концепцию наказания, опираясь на труды Беккариа, Монтескье и других просветителей. В его учении были сформулированы правила соразмерности преступления и наказания, принципы справедливого назначения наказания [27]. В своем труде «Введение в основания нравственности и законодательства» 1789 г. Бентам перечислил случаи, при которых не следует налагать наказание вообще, когда оно «неосновательно, недействительно, излишне или слишком дорого». По его мнению, наказание не должно быть неэффективным (неспособным

предотвратить вред от преступления), ненужным (возможно предотвращение вреда нерепрессивным, более мягким и дешевым путем) либо неприбыльным или слишком дорогим (т.е. дороже причиненного преступлением вреда) [28, с. 546–550].

Дж. Бентам, У. Иден, Дж. Говард и др. заложили своими трудами основу так называемой превентивно-репрессивной модели уголовной политики. Они были основателями науки пенологии и сторонниками систематизации уголовного права, в том числе колониального законодательства о наказаниях [29–32]. Предложенная ими теория целей наказания по формуле «превенция через устрашение» исходила из того, что основным регулятором поведения потенциальных преступников является не сама кара, а ее угроза в виде уголовной репрессии. Отвергая доктрину «максимальной суровости» наказания в пользу доктрины «смягченной угрозы», они рассматривали устрашение как наиболее важную функцию уголовного права и цель пенитенциарной политики. Классическим выражением теории устрашения, превратившимся в своего рода юридическую поговорку, считается ответ английского судьи вору, приговоренному им к смертной казни за кражу лошади и заявившему, что наказание слишком жестоко и несоразмерно: «Не потому ты будешь повешен, что украл лошадь, а для того, чтобы не крали других лошадей» [33].

По мнению представителей пенологической мысли, уровень устрашающего эффекта наказания должен был соответствовать угрозе вреда от преступления для всего общества [34, с. 247]. При этом они выделяли в качестве прикладных целей для эффективного «устрашающего наказания» такие, как исправление преступника (через тюремное заключение и труд осужденных) и публичная демонстрация наказания (в частности, карательный эффект смертной казни). И хотя в первой половине XIX в. был издан ряд английских статутов, уменьшивших количество оснований смертной казни, вплоть до 1868 г. она осуществлялась в целях устрашения публично и носила варварский характер.

К концу первой трети XIX в. описанное выше юридическое наследие правоведов-утилитаристов метрополии оказало серьезное влияние на развитие уголовного законодательства в колониях Индии. Назначенный при местном генерал-губернаторе главным советником по законодательству Т.Б. Маколей был ярким последователем философии утилитаризма, считая

себя учеником Дж. Бентама и стремясь осуществить его проекты в реальности. Создавая свой проект УК Индии в 1835–1837 гг., он определял главной целью наказания общую превенцию (англ. general prevention, или deterrence), хотя и выделял также частную превенцию — посредством физической изоляции преступника и его исправления. Однако прибывавшие на службу в Индию английские чиновники и судьи обращали внимание не столько на юридические дефиниции наказания и его пенологические теории, сколько на проблему эффективности применяемых наказаний и их влияние на общую криминологическую обстановку. Для них было важным получать явные результаты от карательной уголовной политики, особенно в сфере борьбы с таким опасным проявлением местной ритуальной преступности, как «тугизм», связанный с человеческими жертвоприношениями и массовыми грабежами [35, с. 78–80].

Разбойники *тугу* (англ. thuggee от хинди ठग (ṭhag) — вор-душитель; тхаги, пхасингары) начиная со средневекового периода промышляли тем, что грабили целые караваны, убивали путешественников и торговцев, посвящая свои жертвы индусской богине смерти и разрушения Кали. Они рассчитывали таким способом получить право на удачное перерождение в следующей жизни. Их ритуальные убийства должны были быть бескровными, поэтому они душили жертву сзади, накинув на шею веревку или шарф, а затем закапывали ритуальной киркой или сбрасывали в колодец. Только за период с 1740 по 1840 г. эти ритуальные преступники убили около миллиона человек [36]. К сожалению, ситуация усложнялась за счет того, что помимо собственно тугов распространились группировки обычных убийц — *пиндари*. Они состояли из обычных индийских крестьян, которые по окончании сельхозработ выходили на большую дорогу с целью грабежа под ложным прикрытием исполнения ритуала и убивали такое количество человек, какое только могли ограбить. Кроме того, под прикрытием борьбы с «тугизмом» шли облавы на другие мобильные группы традиционного общества Индии, такие как госаины, саньясины, факиры (бродячие монахи-дервиши), цыгане и странствующие торговцы, которые становились легкой мишенью британской уголовной политики и описывались чиновниками, неспособными их контролировать, как грабители и рейдеры [37, с. 7].

По прибытии в Калькутту (Бенгалия) английский юрист Т.Б. Маколей, назначенный возглавить правовую комиссию при генерал-губернаторе, узнал о печальной статистике массовой внесудебной расправы с бандформированиями пиндари и религиозной сектой тугов. За предшествующее этому десятилетие с 1825 по 1835 г. при генерал-губернаторе У. Бентинке, несмотря на его либеральные взгляды и поддержку правовой реформы, допускались массовые аресты тугов с пожизненным распределением их по тюрьмам или даже с внесудебными казнями [38]. Активно помогавший в этой репрессивной политике полковник У. Слимман обосновывал позицию британских чиновников таким образом: «Если эти люди (туги), ведомые жрецами Дурги, ожидают наград в этой жизни и в следующей, мы должны противопоставить им еще больший страх немедленного наказания; и, если наши нынешние средства не пригодны для этого, мы должны создать другие, чтобы зло было устранено» [39, р. 505].

Эти факты подвигли Т.Б. Маколея включить в разрабатываемый им УК Индии такой институт, как соучастие в преступлении, отдельный состав «тугизма» с повышенной мерой наказания, а также участие в преступном сообществе (совместная преступная деятельность) как обстоятельство, отягчающее меру наказания. Ему представлялось, что такие более цивилизованные инструменты уголовного преследования позволят покончить с широкомасштабным истреблением группировок тугов.

В середине XX в. у историков индийского традиционного общества стал складываться альтернативный взгляд на проблему тугов, согласно которому это был всего лишь миф о секте душителей, якобы фикция для прикрытия широкомасштабных административных и полицейских мер по установлению порядка на завоеванных Ост-Индской компанией территориях [40, р. 26–28]. Умело манипулируя ксенофобскими и религиозными взглядами европейского общества, местная администрация нередко выдвигала обвинения в ужасных демонических ритуалах, которые на проверку оказывались традиционными индийскими и мусульманскими практиками жертвоприношения животных. Но в тот период в ситуации отсутствия Уголовного кодекса Индии это было необходимо для введения особо исключительных мер, не требующих правосудия [41].

В следующий после принятия УК 1860 г. период из-за широкомасштабного восстания сипаев и распространения движения дакоитов репрессивная функция наказания стала превалировать над другими целями уголовной политики. Распространился так называемый белый террор против народных масс и политических оппонентов, боровшихся за свободу и независимость колониальной Индии [42, р. 346–350]. «Смертная казнь, пожизненная высылка на отдаленные острова Андамана и Никабара, долгосрочная каторга постоянно применялись против участников национально-освободительного движения» [43, с. 5]. Несмотря на предпринятые ранее Т.Б. Маколеем меры ограничить преследование традиционных индийских общин, народностей и религиозных сект только рамками УК Индии, практика развивалась в другом направлении. В 1871 г. был принят специальный Закон о преступных кастах (Criminals Tribes Act), в котором к числу «преступных общин», члены которых «систематически участвовали в совершении преступлений», были отнесены, в частности, народность белуджей и религиозные группировки тугов. По принципу коллективной ответственности и объективного вменения любой принадлежавший такой «преступной касте» мужчина старше 14 лет, даже если он лично не обвинялся в совершении преступления, лишался свободы передвижения по стране и должен был регулярно отмечаться в полицейском участке. На длительный период снова возобладала репрессивная пенологическая концепция.

Таким образом, в истории уголовного права Индии последовательно сменялись различные пенологические концепции и соответствующие им модели антикриминальной политики: уголовно-карательная, превентивно-репрессивная и социально-гуманистическая. Система наказаний прошла длительный путь развития от наиболее жестких и варварских форм, характерных для средневекового традиционного (мусульманского и отчасти индусского) права, к более гуманным и либеральным санкциям по УК Индии 1860 г., отвечающим потребностям и ценностям колониального общества под протекторатом Великобритании. Утилитарная теория превенции, закрепленная в УК 1860 г., сменилась затем репрессивной уголовной политикой и в постколониальный период возродилась в обновленной форме как концепция индивидуального реформирования (ресоциализации) преступника.

В современный период индийские юристы придерживаются комплексного, криминопеналогического подхода в уголовной политике, а в пенологии отстаивают так называемую интеграционную теорию целей наказания. С одной стороны, в судебных решениях встречаются отсылки к такой классической цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений осужденным (индивидуальная превенция) и предупреждение преступлений со стороны индийских граждан (публичная превенция)³.

³ Hukum Chand Malhotra vs. Union of India, AIR 1959 SC 536. URL: <http://apvc.ap.nic.in/js/Vol-III.pdf>.

С другой стороны, пенологическая политика Индии делает упор на применение так называемых промежуточных санкций: интенсивная пробация и общественные работы как переходная стадия от тюремного заключения к традиционной пробации, а также альтернативно — крупные штрафы [44]. Это объясняется большими затратами для бюджета Индии на содержание заключенных, а также контрпродуктивным характером самого лишения свободы, которое со временем потеряло свою эффективность как сдерживающая преступность мера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трикоз Е.Н. Система противодействия терроризму в странах Содружества Наций (на примере Австралии, Канады, Индии) / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Общество и право. — 2017. — № 4 (62). — С. 99–104.
2. Пионтковский А.А. Карательная политика английского империализма в Британской Индии / А.А. Пионтковский. — М. : Сов. законодательство, 1934. 178 с.
3. Никифоров Б.С. Уголовное законодательство Республики Индии / Б.С. Никифоров. — М. : Госюриздат, 1958. — 279 с.
4. Уголовный кодекс Индии / под ред. Б.С. Никифорова ; пер. с англ. А.С. Михлина. — М. : Иностр. лит., 1958. — 240 с.
5. Carrington K. Southern Criminology / K. Carrington, R. Hogg, M. Sozzo // The British Journal of Criminology. — 2016. — Vol. 56, iss. 1. — P. 1–20.
6. Connell R. Using southern theory: Decolonizing social thought in theory, research and application / R. Connell // Planning Theory. — 2014. — Vol. 13, iss. 2. — P. 210–223.
7. Hogg R. Southern Criminology: Guest Editors' Introduction / R. Hogg, J. Scott, M. Sozzo // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. — 2017. — Vol. 6, № 1. — P. 5–6. — DOI: 10.5204/ijcsd.v6i1.395.
8. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты / Н.А. Крашенинникова. — М. : Норма, 2009. — 304 с.
9. Пермяков Ю.Е. Модели современной уголовной политики и законодательный выбор / Ю.Е. Пермяков // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства : сб. тез. — М. : Изд-во ИГиП РАН, 1994. — С. 13–14.
10. Brown M. Ethnology and colonial administration in nineteenth-century British India: the question of native crime and criminality / M. Brown // British Journal for the History of Science. — 2003. — Vol. 36 (2). — P. 201–219.
11. Крашенинникова Н.А. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты / Н.А. Крашенинникова, Е.Н. Трикоз // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2017. — № 4 (333). — С. 183–206.
12. Оксамытний В.В. Система уголовных наказаний в Англии / В.В. Оксамытний. — Киев : Наукова думка, 1977. — 143 с.
13. Barnejee T.K. The substantive criminal law prior to the Indian Penal Code / T.K. Barnejee // Essays on the Indian Penal Code / ed. S. Govindarajulu. — Bombay, 1962. — P. 1–32.
14. Ислам: энцикл. слов. / отв. ред. С.М. Прозоров. — М. : Наука, 1991. — 315 с.
15. Anderson M.R. Islamic Law and the Colonial Encounter in British India / M.R. Anderson // Institutions and Ideologies: A SOAS South Asia Reader / ed. D. Arnold, P. Robb. — Richmond, UK, 1993. — P. 165–185.
16. Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность / Н.А. Крашенинникова. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 192 с.
17. Betai R.S. State of criminal law in Kautilya's Arthashastra / R.S. Betai // Journal of the Gujarat Research Society. — 1977. — Vol. 39 (4). — P. 3–17.
18. Glücklich A. Karma and Social Justice in the Criminal Code of Manu / A. Glücklich // Contributions to Indian sociology. — 1982. — Vol. 16 (1). — P. 59–78.
19. Торгашев Г.А. Философия права / Г.А. Торгашев. — М. : Проспект, 2016. — 192 с.
20. Drapkin I. Ancient India and the Laws of Manu / I. Drapkin // Crime and Punishment in the Ancient World. — Lexington (Mass.), 1989. — P. 99–133.
21. Philips C.H. The New East India Board and the Court of Directors, 1784 / C.H. Philips // The English Historical Review. — 1940. — Vol. 55, iss. 219. — P. 438–446.
22. Трикоз Е.Н. Отражение уголовной политики метрополии в колониальном законодательстве Индии конца XVIII–XIX века / Е.Н. Трикоз, Д.Е. Труш // Правоохранительные и правозащитные функции государства на различных стадиях его существования : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14 апр. 2017 г. — М. : Изд-во РУДН, 2017.
23. Robinson Francis. The Writings and Speeches of Edmund Burke. Vol. 7 : India: The Hastings Trial, 1789–1794 / Robinson Francis // The English Historical Review. — 2001. — Vol. 116, iss. 467. — P. 735–739.
24. Macaulay Th.B. Warren Hastings (1841) / Th.B. Macaulay // Critical and Historical Essays / ed. A.J. Grieve. — London, 1907. — Vol. 1. — P. 160–255.
25. Skuy D. Macaulay and the Indian Penal Code of 1862: The myth of the inherent superiority and modernity of the English legal system compared to India's legal system in the nineteenth century / D. Skuy // Modern Asian Studies. — 1998. — Vol. 32. — P. 513–557.

26. Тепляшин П.В. Принципы философии наказания и тюремоведения Уильяма Палея / П.В. Тепляшин // Государство и право. — 2005. — № 2. — С. 112–115.
27. Оксамытный В.В. Уголовная политика Англии в свете правового утилитаризма И. Бентама / В.В. Оксамытный // Вестник Брянского государственного университета. — 2012. — № 2 (1). — С. 225–227.
28. Избранные сочинения Иеремии Бентама / пер. с англ. А.Н. Неведомского, А.Н. Пыпина. — СПб. : Рус. кн. торговля, 1867. — Т. 1 : Введение в основания нравственности и законодательства. — 748 с.
29. Hovard J. State of prisons in England and Wales / J. Hovard. — London, 1777. — 536 p.
30. Mill J. Jurisprudence / J. Mill. — London, 1825. — 41 p.
31. Stephen J.F. General View of the Criminal Law of England / J.F. Stephen. — London : MacMillan, 1890. — 488 p.
32. Cox E.W. The principles of punishment, as applied in the administration of the criminal law, by judges and magistrates / E.W. Cox. — London : Law Times Office, 1877. — 266 p.
33. Таганцев Н.С. Русское уголовное право (Общая часть) / Н.С. Таганцев. — СПб. : Гос. тип., 1902. — Ч. 2. — 656 с.
34. Марков В.П. Концепции наказания в англо-американской системе права / В.П. Марков // Вопросы экономики и права. — 2012. — № 44. — С. 247–252.
35. Brown M. Crime, Governance and the Company Raj. The Discovery of Thuggee / M. Brown // The British Journal of Criminology. — 2002. — Vol. 42, iss. 1. — P. 77–95.
36. Rushby K. Children of Kali: Through India in Search of Bandits, the Thug Cult and the British Raj / K. Rushby. — New York : Walker & Company, 2003. — 292 p.
37. Sinha N. Mobility, Control and Criminality in Early Colonial India, 1760s–1850s / N. Sinha // Indian Economic Social History Review. — 2008. — Vol. 45. — P. 1–33.
38. Tornton E. Illustrations of the History and Practices of the Thugs, and Notices of Some of the Proceedings of the Government of India, for the Suppression of the Crime of Thuggee / E. Tornton. — London : W.H. Allen and Co, 1851. — 475 p.
39. Sleeman W. The Thugs / W. Sleeman // The Calcutta Magazine. — 1832. — № 33 (Sept.). — P. 505.
40. Schwarz H. Constructing the Criminal Tribe in Colonial India: Acting like a Thief / H. Schwarz. — John Wiley & Sons, 2010. — 176 p.
41. Crime and Criminality in British India / ed. A.A. Yang. — Tucson, Arizona : Univ. of Arizona Press, 1985. — 192 p.
42. Brown M. Race, science and the construction of native criminality in colonial India / M. Brown // Theoretical criminology. — 2001. — Vol. 5. — P. 345–368.
43. Умралкар П.Б. Современное уголовное право Индии (Основные институты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Б. Умралкар. — М., 1975. — 15 с.
44. Anupama Sharma. Fines as a Punishment in Indian Penal Code, 1860 / Anupama Sharma // Journal of Contemporary Criminal Justice. — 2016. — Vol. 32, iss. 3. — P. 243–263.

REFERENCES

1. Trikoz E.N., Shvets A.A. The system of counteracting terrorism in the Commonwealth of Nations (using the examples of Australia, Canada, India). *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2017, no. 4 (62), pp. 99–104. (In Russian).
2. Piontkovsky A.A. *Karatel'naya politika angliiskogo imperializma v Britanskoi Indii* [The Punitive Policy of British Imperialism in British India]. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ., 1934. 178 p.
3. Nikiforov B.S. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Respubliki Indii* [Criminal Legislation of the Republic of India]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958. 279 p.
4. *The Indian penal code*. 21th ed. The Bombay Law reporter office, 1954. 497 p. (Russ. ed.: Nikiforov B.S. (ed.). *Ugolovnyi kodeks Indii*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 240 p.).
5. Carrington K., Hogg R., Sozzo M. Southern Criminology. *The British Journal of Criminology*, 2016, vol. 56, iss. 1, pp. 1–20.
6. Connell R. Using southern theory: Decolonizing social thought in theory, research and application. *Planning Theory*, 2014, vol. 13, iss. 2, pp. 210–223.
7. Hogg R., Scott J., Sozzo M. Southern Criminology: Guest Editors' Introduction. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 5–6. DOI: 10.5204/ijcsd.v6i1.395.
8. Krashennnikova N.A. *Pravovaya kultura sovremennoi Indii: innovatsionnye i traditsionnye cherty* [Legal Culture of Modern India: Innovative and Traditional Features]. Moscow, Norma Publ., 2009. 304 p.
9. Permyakov Yu.E. Models of contemporary criminal policy and the legislative choice. *Sovremennye tendentsii razvitiya ugolovnoi politiki i ugolovnogo zakonodatel'stva* [Modern Trends in the Development of Criminal Policy and Criminal Legislation]. Moscow, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences Publ., 1994, pp. 13–14. (In Russian).
10. Brown M. Ethnology and colonial administration in nineteenth-century British India: the question of native crime and criminality. *British Journal for the History of Science*, 2003, vol. 36 (2), pp. 201–219.
11. Krashennnikova N.A., Trikoz E.N. The Criminal Code of India of 1860: history of creation and typical features. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 2017, no. 4 (333), pp. 183–206. (In Russian).
12. Okamytnyi V.V. *Sistema ugolovnykh nakazanii v Anglii* [The System of Criminal Punishments in England]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1977. 143 p.
13. Barnejee T.K. The substantive criminal law prior to the Indian Penal Code. In Govindarajulu S. (ed.). *Essays on the Indian Penal Code*, Bombay, 1962, pp. 1–32.
14. Prozorov S.M. (ed.). *Islam* [Islam]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 315 p.
15. Anderson M.R. Islamic Law and the Colonial Encounter in British India. In Arnold D., Robb P. (ed.). *Institutions and Ideologies: A SOAS South Asia Reader*. Richmond, UK, 1993, pp. 165–185.
16. Krashennnikova N.A. *Indusskoe pravo: istoriya i sovremennost* [Hindu's Law: History and Today]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1982. 192 p.

17. Betai R.S. State of criminal law in Kautilya's Arthashastra. *Journal of the Gujarat Research Society*, 1977, vol. 39 (4), pp. 3–17.
18. Glucklich A. Karma and Social Justice in the Criminal Code of Manu. *Contributions to Indian Sociology*, 1982, vol. 16 (1), pp. 59–78.
19. Torgashev G.A. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 192 p.
20. Drapkin I. Ancient India and the Laws of Manu. *Crime and Punishment in the Ancient World*. Lexington (Mass.), 1989, pp. 99–133.
21. Philips C.H. The New East India Board and the Court of Directors, 1784. *The English Historical Review*, 1940, vol. 55, iss. 219, pp. 438–446.
22. Trikoz E.N., Trush D.E. The reflection of the metropolitan country's policy in the colonial legislation of India in late 18th–19th centuries. *Pravookhranitelnye i pravozashchitnye funktsii gosudarstva na razlichnykh stadiyakh ego sushchestvovaniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 14 aprelya 2017 g.* [Law Enforcement and Protection Functions of the State at Different Stages of its Existence. Materials of International Research Conference, Moscow, April 14, 2017]. Moscow, People's Friendship University of Russia Publ., 2017.
23. Robinson Francis. The Writings and Speeches of Edmund Burke. Vol. 7: India: The Hastings Trial, 1789–1794. *The English Historical Review*, 2001, vol. 116, iss. 467, pp. 735–739.
24. Macaulay Th.B. Warren Hastings (1841). In Grieve A.J. (ed.). *Critical and Historical Essays*. London, 1907. Vol. 1. Pp. 160–255.
25. Skuy D. Macaulay and the Indian Penal Code of 1862: The myth of the inherent superiority and modernity of the English legal system compared to India's legal system in the nineteenth century. *Modern Asian Studies*, 1998, vol. 32, pp. 513–557.
26. Teplyashin P.V. William Paley's principles of the philosophy of punishment and prisons. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 2, pp. 112–115. (In Russian).
27. Oksamytnyi V.V. Criminal policy of England in the light of J. Bentham's theory of legal utilitarianism. *Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2012, no. 2 (1), pp. 225–227. (In Russian).
28. Bentham J., Burns J.H. (ed.). *Selected Works by Jeremy Bentham*. Oxford University Press, 1843. 754 p. (Russ. ed.: Bentham J. *Izbrannye sochineniya*. Saint-Petersburg, Russkaya knizhnaya torgovlya Publ., 1867. Vol. 1. 748 p.).
29. Hovard J. *State of prisons in England and Wales*. London, 1777. 536 p.
30. Mill J. *Jurisprudence*. London, 1825. 41 p.
31. Stephen J.F. *General View of the Criminal Law of England*. London, MacMillan, 1890. 488 p.
32. Cox E.W. *The principles of punishment, as applied in the administration of the criminal law, by judges and magistrates*. London, Law Times Office, 1877. 266 p.
33. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo (Obshchaya chast)* [Russian Criminal Law (General Part)]. Saint-Petersburg, Gosudarstvennaya Tipografiya Publ., 1902. Iss. 2. 656 p.
34. Markov V.P. The concepts of punishment in the English-American system of law. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and Law Issues*, 2012, no. 44, pp. 247–252. (In Russian).
35. Brown M. Crime, Governance and the Company Raj. The Discovery of Thuggee. *The British Journal of Criminology*, 2002, vol. 42, iss. 1, pp. 77–95.
36. Rushby K. *Children of Kali: Through India in Search of Bandits, the Thug Cult and the British Raj*. New York, Walker & Company, 2003. 292 p.
37. Sinha N. Mobility, Control and Criminality in Early Colonial India, 1760s–1850s. *Indian Economic Social History Review*, 2008, vol. 45, pp. 1–33.
38. Tornton E. *Illustrations of the History and Practices of the Thugs, and Notices of Some of the Proceedings of the Government of India, for the Suppression of the Crime of Thuggee*. London, W.H. Allen and Co, 1851. 475 p.
39. Sleeman W. The Thugs. *The Calcutta Magazine*, 1832, no. 33 (September), pp. 505.
40. Schwarz H. *Constructing the Criminal Tribe in Colonial India: Acting like a Thief*. John Wiley & Sons, 2010. 176 p.
41. Yang A.A. (ed.). *Crime and Criminality in British India*. Tucson, Arizona, University of Arizona Press, 1985. 192 p.
42. Brown M. Race, science and the construction of native criminality in colonial India. *Theoretical Criminology*, 2001, vol. 5, pp. 345–368.
43. Umralkar P.B. *Sovremennoe ugolovnoe pravo indii (osnovnye instituty)*. *Avtoref. Kand. Diss.* [Modern criminal law of India (Key institutions). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1975. 15 p.
44. Anupama Sharma. Fines as a Punishment in Indian Penal Code, 1860. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2016, vol. 32, iss. 3, pp. 243–263.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крашенинникова Нина Александровна — профессор кафедры истории государства и права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация.

Триkoz Елена Николаевна — доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; доцент кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: alena_trikoz@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Krashenninnikova, Nina A. — Professor, Chair of History of Law and State, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation.

Trikoz, Elena N. — Ass. Professor, Chair of Law Theory and Comparative Jurisprudence, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Senior Lecturer, Chair of History of Law and State, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: alena_trikoz@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Крашенинникова Н.А. Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 года: пенологические теории / Н.А. Крашенинникова, Е.Н. Трикоз // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 3. — С. 431–443. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).431-443.

FOR CITATION

Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N. Institute of punishment in the Indian Penal Code of 1860: the penological theories. *Vserossiiskii krimonologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 431–443. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).431-443. (In Russian).